

ВИРТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

АЛЬТЕРНАТИВЫ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ НИАЛА ФЕРГЮСОНА

Перевод с английского Заура Мамедьярова

издательство **ACT**

Москва

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Англия без Кромвеля

*Что, если бы Карл I избежал
гражданской войны?**

Джон Адамсон

* Я благодарен доктору Ниалу Фергюсону, профессору Аллану Макиннесу, доктору Джону Моррилу, профессору графу Расселлу и доктору Дэвиду Скотту, прочитавшим первую версию этого очерка и сделавшим свои замечания.

Сами по себе, в отрыве от конституции, злоупотребления короны в отношении англичан вряд ли заслуживают упоминания. Они не были ни особенно обременительными в имущественном отношении, ни сколько-нибудь удивительными для рода людского... хотя возникали справедливые опасения, что подобные прецеденты, если с ними мириться, закончатся полным отказом от Парламента и установлением деспотической власти. Карл [I] не боялся оппозиции народа, который обычно не испытывает на себе влияние последствий и не начинает бунтовать против действующего правительства, не имея из ряда вон выходящего повода.

Давид Юм “История Англии” (1778), гл. LIII

Между 1638 и 1640 гг., в свободное от налоговых кризисов и шотландских войн время, Карл I решил заняться более интересной задачей: проектированием нового королевского дворца в Уайтхолле. Выполненный в классическом стиле проект, разработанный талантливым учеником и ассистентом Иниго Джонса Джоном Уэббом, стал первым шагом к воплощению давнего желания короля заменить хаотичный и старомодный дворец, доставшийся ему в наследство от Тюдоров. Новый Уайтхолл должен был стать роскошной резиденцией двора, способной соперничать с великолепием Лувра и Эскориала. При наличии достаточного количества средств (что в 1638 г. было еще вполне выполнимо) строительство могли бы завершить к середине или концу 1640-х гг. Этот дворец наконец-то стал бы резиденцией правительства, соответствующего системе “единоличного правления”, которую Карл I установил после роспуска Парламента в 1629 г. По крайней мере до 1639 г. Карл еще представлял, как будет еще десяток лет, а то и больше править своим королевством, блистая среди барочных дворцов и колоннад Уэбба¹.

Такие амбициозные планы предполагали уверенность в том, что режим Карла I не только выстоит, но и расцветет. Была ли эта уверенность оправдана? Или же, как замечают многие историки, это была лишь безрассудная причуда темного и изолированного режима — еще один пример оторванности от жизни, свойственной двору Карла I? Ответы на эти вопросы редко рассматривались с исторической точки зрения. Две политические философии, оказавшие наибольшее влияние на историческую науку прошлого века, вигизм и марксизм, называли крах каро-

линского режима в 1630-е гг. “неизбежным”. Стремясь к укреплению королевской власти (а на практике — к расширению полномочий монарха), Карл I, подобно Кнуду, шел против исторических волн, контролировать которые королю было не под силу: усиления парламентской власти; веры в личную свободу, гарантированную общим правом; и даже, как некогда считалось, “подъемом джентри” (ближайшего аналога “буржуазии” Маркса, существовавшего в семнадцатом веке в Англии). Как гласит теория, эти силы неумолимо стремились к тому, чтобы добиться парламентской победы в гражданских войнах 1640-х гг. и Славной революции 1688–1689 гг., прежде чем достичь высот парламентского правления в золотую пору Гладстона и Дизраэли. Сэмюэл Росон Гардинер — викторианский историк, работы которого и сто лет спустя остаются самым важным изложением истории правления Карла I, — полагал, что за противниками короля было будущее, а сделанные в 1640-х гг. парламентские предложения о реформе государственного управления “по всем ключевым параметрам предвосхитили систему, которая установилась в правление королевы Виктории”². Стремясь установить единоличное правление — создать сильное монархическое правительство, не сдерживаемое парламентским контролем — в 1630-х гг., Карл I шел не только против своих критиков, но и против самой Истории.

Само собой, такие утверждения о неизбежности падения режима в последние годы подверглись жестокой “ревизионистской” критике³. И все же в менее очевидной форме мнение о том, что эксперимент Карла по созданию правительства без Парламента был изначально нежизнеспособен, и сегодня распространено достаточно широко, причем даже среди историков, которые отрицают телеологический подход марксистов и вигов. Политика короля была настолько непопулярна, что рано или поздно она была обречена вызвать восстание, а поскольку король был не в состоянии успешным образом вступить в войну без парламентского финансирования, Карл в буквальном смысле не мог позволить себе роскошь неограниченной

королевской власти⁴. С этой точки зрения, великой королевской глупостью стало принятое в 1637 г. решение навязать “лодианскую” ревизию Книги общих молитв Церкви Шотландии, которой она казалась полной “католичества и суеверий”. Запущенная этим решением последовательность событий продемонстрировала политическую и финансовую невозможность поддержания непарламентского режима. Столкнувшись с полномасштабным восстанием в Шотландии, катализатором которого стала новая Книга молитв, король отказался идти на компромисс со своими критиками и решил силой восстановить королевскую власть в Шотландии⁵. Упорное нежелание короля уступать требованиям ковенантеров и его готовность сражаться — даже после провала кампании 1639 г., высказанных тайными советниками опасений и неспособности Короткого парламента профинансировать очередную войну в мае 1640 г. — привели к политическому и финансовому банкротству его режима. В августе 1640 г. ковенантеры победили во Второй епископской войне. Шотландская армия оккупировала север Англии, и в ноябре Парламент собрался в условиях, которые — впервые за время правления Карла — не дали королю распустить его, когда он того захотел. Как только были созданы обе палаты, королевских министров быстро призвали к ответу, а “инновации”, положенные в основу каролинского режима, — от огромных корабельных налогов до расположения престола на манер алтаря в приходских храмах — были по очереди признаны незаконными.

В большом количестве исследований о “падении британских монархий” подчеркивается в высшей степени случайный характер связей между этими событиями. Как утверждает профессор Расселл, по крайней мере до февраля 1641 г. Карл мог достичь со своими шотландскими и английскими оппонентами *modus vivendi* и тем самым предотвратить гражданскую войну⁶. В настоящем эссе вопрос рассматривается несколько глубже: здесь спрашивается не только, мог ли Карл избежать гражданской войны, но и мог ли он разрешить шотландский

кризис, не затронув структур единоличного правления. Мог ли Карл I и дальше править тремя своими королевствами, не обращаясь к Парламенту — что ему прекрасно удавалось по крайней мере до 1637 г., — в 1640-х гг. и далее? При рассмотрении этих вопросов становится очевидно, что переломным годом стал 1639-й. В настоящее время широко распространено мнение, что, если бы Карл не потерпел поражение при первой попытке подавить восстание ковенантеров (и не запустил бы тем самым катастрофическую последовательность событий), ему не пришлось бы в ноябре 1640 г. созывать Долгий парламент, который сразу принялся за разрушение системы единоличного правления. Если бы не военное поражение 1639 г., будущее каролинского режима сложилось бы совершенно иначе. Успех в борьбе с шотландцами принес бы короне престиж, а возможно и популярность, и устранил бы необходимость в созыве парламента в обозримом будущем — вероятно, еще на несколько десятков лет.

Отчасти сложность рассмотрения таких возможностей заключается в том, что они затрагивают сферы, где общепринятое представление о прошлом Англии укоренилось настолько прочно, что рассуждения об альтернативных вариантах развития кажутся почти невыносимыми: Англия без эволюции сильного Парламента; без зарождения религиозного порядка, который был одновременно протестантским и (по крайней мере, в сравнении с большей частью Европы семнадцатого века) относительно толерантным; без системы общего права, в которой базовым принципом, определяющим отношения монарха с его подданными, была неприкосновенность частной собственности⁷. Если не считать крах каролинского режима “неизбежным”, ни один из этих аспектов истории нельзя назвать предопределенным. Траектория британской (и ирландской) истории стала бы совершенно иной: практически наверняка не случилось бы ни гражданской войны, ни цареубийства, ни Славной революции, а Оливер Кромвель построил бы ничем не примечательную карьеру в среде провинциального дворянства Или.

Нам было бы проще считать эти вопросы невинной игрой с моделями истории — одной из тех великосветских “салонных игр”, которые высмеивал Э.Х. Карр. И все же, как точно подметил Хью Тревор-Ропер, “история не просто описывает, что случилось: она описывает, что случилось, в контексте того, что могло бы произойти”⁸. А для современников — как в августе 1639 г. сообщил Эдвард Россингем — возможность победы короля в 1639 г. казалась реальной и правдоподобной, а не была поверхностной “гипотетической” спекуляцией⁹. Даже в августе 1640 г. главный инспектор королевского двора сэр Томас Джермин был уверен, что “этим неурядицам скоро придет очень благополучный и успешный конец”¹⁰. Взвешивая вероятности, государственный секретарь Уиндебанк согласился: “Я не слишком опасаясь бунтовщиков”¹¹. Давайте начнем с анализа обстоятельств войны 1639 г. Можно ли считать, что король и его ближайшие советники оказались заложниками ситуации? Или же Карл I мог выиграть военную кампанию против ковенантеров?

Шотландия в 1639 году: упущенная победа

Решение Карла вступить в войну в 1639 г., не созывая Парламент, было расценено как показатель более глубокой (и в итоге роковой) безучастности его режима к обидчивости местных правящих элит Англии¹². Ни один английский монарх со времен Эдуарда II, который отважился на это в 1323 г., не пытался развязать серьезную войну, не созывая две палаты Парламента — и это, судя по всему, не сулило ничего хорошего¹³. И все же были более современные и более успешные прецеденты. Елизавета I, которая могла тягаться с Карлом I в своей нелюбви к парламентам, в 1559–1560 гг. организовала успешную военную кампанию по изгнанию французов из шотландского Лоуденда, не обращая при этом к законодательной власти. В 1562 г. она снова вступила в войну и отправила экспедиционный корпус

в Гавр, не созывая Парламент¹⁴. Само собой, обычно во время войны Парламент *созывался*, однако это не было *conditio sine qua non* для эффективной военной кампании.

Стоит отметить, что не только льстивые придворные считали, что в 1639 г. король мог вступить в войну, не прибегая к парламентским субсидиям для покупки победы. Изучая различные ресурсы, доступные королю в феврале 1639 г., Эдвард Монтегю — сын пуританского нортгемптонширского лорда Монтегю из Ботона — полагал, что все очевидно: “королю не потребуется Парламент”¹⁵. В 1639 г. Карл и члены королевского совета планировали начать войну таким образом, чтобы подвергнуть проверке и (как они надеялись) в то же время консолидировать традиционные институты, которые король хотел сделать опорой единоличного правления. Были восстановлены и расширены древние фискальные прерогативы короны (включая такие феодальные повинности, как щитовой сбор и пограничную службу подданных из северных пограничных графств), а полномочия региональных лордов-наместников (ответственных за армию каждого из графств), их заместителей и местных магистратов (мировых судей) при мобилизации местного населения были расширены до предела. Результаты разнились — от образцовых до смехотворных. Однако к весне 1639 г., не прибегая к поддержке Парламента и полагаясь исключительно на административные структуры единоличного правления, Англия оказалась на пороге крупнейшей мобилизации со времен испанских войн 1580-х годов.

Разработанная Карлом зимой 1638–1639 гг. стратегия разгрома ковенантеров предполагала совместные действия армии и флота. В нее входило четыре ключевых элемента¹⁶. Первым были десантные войска маркиза Гамильтона (в высшей степени сочувствующего Англии шотландского вельможи, который был генералом королевских войск в Шотландии), насчитывавшие 5000 человек на восьми военных судах и тридцати транспортниках (это были осязаемые результаты сбора корабельных налогов в 1630-х гг.). В их задачу входила блокада Эдинбурга и ор-

ганизация плацдарма на восточном побережье Шотландии¹⁷. Вторым элементом была атака на западное побережье Шотландии, возглавляемая изворотливым политиком Рандалом Макдоннелом, 2-м графом Антримом, в задачу которого входило разделение сил ковенантеров и их разгром на западе. Третий элемент стратегии должен был обеспечить верный наместник короля, лорд-депутат Ирландии Уэнтуорт: планировалось, что он высадится на западном побережье Шотландии, поддержит предполагаемое наступление Антрима и оставит 10 000 ирландских солдат (в основном католиков) на расстоянии возможного удара от Эдинбурга. Четвертым, главным, элементом наступления была мобилизация английской армии. Она должна была подойти к реке Твид (естественной границе между Англией и Шотландией) и быть готовой не только отражать набеги ковенантеров на всем протяжении английской границы, но и при необходимости форсировать Твид и вступить в войну на землях ковенантеров. Вне зависимости от того, намеревался ли Карл по-прежнему вернуть себе Эдинбургский замок — как он планировал изначально,¹⁸ — приготовления артиллерийско-технической службы к кампании не позволяют усомниться, что рассматривалась возможность взятия шотландских крепостей штурмом¹⁹. Карл хотел быть готовым к началу наступательной войны.

Этому плану не суждено было сбыться. Все войны, спонсирует их Парламент или нет, обычно проверяют казну на прочность, и война 1639 г. не стала исключением²⁰. В 1639 г. из казны выделили относительно небольшую сумму — около 200 000 фунтов стерлингов, — и это почти наверняка повлекло за собой недооценку расходов²¹. Однако несоразмерность казенного снабжения была отчасти компенсирована достаточно крупными суммами, собранными местными джентри и потраченными на нужды ополчения. (В марте 1639 г. одни только йоркширские джентри утверждали, что потратили 20 000 фунтов, хотя это не нашло отражения в записях казначейства.)²² Пожалуй, главным недостатком стратегии был тот факт, что

она не предполагала оказания своевременной поддержки сопротивлению ковенантерам, возглавляемому католиком маркизом Хантли и его сыном лордом Эбойном на северо-востоке шотландского Хайленда, в результате чего король упустил возможность создать в Шотландии ядро “роялистской партии” в 1639 г.²³ Остальные элементы стратегии Карла не оправдали себя, из-за чего от них пришлось отказаться. Рекрутов Уэнтуорта не удалось мобилизовать вовремя. Антрим тоже не сумел отправить обещанное количество солдат. Гамильтона одолевали серьезные сомнения относительно рекрутов из Восточной Англии, которых отдали под его командование. Когда пэров созвали в Йорке, чтобы они одобрили кампанию, лорды Сэй и Брук организовали провокационный публичный протест против непарламентских методов, которые Карл использовал для ведения войны. Двадцать второго мая также случилось зловещее солнечное затмение.

Однако мобилизация продолжалась, так что надежда еще не была потеряна. С энтузиазмом поддержал мобилизацию Йоркшир, который рассматривался в качестве основной мишени шотландского наступления, в связи с чем поддержка местных джентри считалась критически важной для успеха кампании. Отклик этого графства впечатлил даже строгого командующего Уэнтуорта — президента Совета Севера, — который написал заместителям командующего территориальной армией Йоркшира (ответственным за созыв ополчения), похвалив их “верность и мудрость, которые нашли выражение в славном проявлении чувства долга... когда вы выразили готовность явиться в распоряжение [Его величества]”²⁴. Когда 30 марта 1639 г. король прибыл в Йорк, чтобы обосноваться там и лично наблюдать за приготовлениями к грядущей кампании, его встретили стихийными демонстрациями преданности. “Титулованное дворянство и джентри северных земель радостно приветствовали придворных, как и командующие отрядами ополчения, которые выражали готовность служить Его величеству в этом походе во имя защиты страны”²⁵.